

Методологические императивы кризиса экономической теории

© 2014 Коновалова Мария Евгеньевна
доктор экономических наук, профессор
Самарский государственный экономический университет
443090, г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141
E-mail: mkonoval@mail.ru

Рассматриваются основные проблемы, стоящие перед экономической наукой в современных условиях. Показывается, что кризис экономической теории имеет некоторую амбивалентность восприятия, поскольку, кроме негативных моментов, несет и положительный заряд, обуславливающий трансформацию экономического знания в процессе создания новой парадигмы глобального развития социально-экономических систем.

Ключевые слова: методология, экономическая теория, кризис категориального аппарата, экономическая политика, моделирование.

Вопрос взаимодействия теории, реальной хозяйственной практики и политики наиболее остро стоит, пожалуй, в экономической науке, и особенно в той ее части, которая носит название “экономическая теория”. Причиной такого положения вещей являются, во-первых, важность тех сторон жизнедеятельности общества, которые обсуждает экономическая теория, а во-вторых, специфический инструментарий, отличающий данную науку от других наук об обществе и человеке, предполагающий повышенный уровень абстракции. Особо заметным становится интерес к методологическим императивам в периоды мировых экономических кризисов, когда возникает вопрос о верификации той или иной теории, а также ее релевантности реальным экономическим условиям. Вообще же методология экономической науки – это поле для важнейших дискуссий о состоянии и перспективах теоретического осмысления экономической реальности. Интерес к методологии не случаен, поскольку существенными функциями экономико-математического анализа являются изучение новых направлений в экономической науке, оценка их познавательных возможностей и практической применимости как с позитивной, так и с нормативной точек зрения.

В периоды глобальных экономических кризисов наибольшей критике подвергается сама идея о возможности взаимосвязи экономической методологии, теории и политики. Так, разразившийся кризис 2008 г. изрядно “подмочил” и без того не слишком высокую репутацию экономистов, не давших достоверных прогнозов о его возможном начале. Королева Великобритании была очень возмущена такой несостоятельностью экономической науки, которая не способна предвидеть столь крупномасштабные события. Старейшина современной макроэкономики, но-

белевский лауреат Роберт Лукас ответил на замечания ее Величества в журнале *The Economist* в августе 2009 г.¹ Кризис не был предсказан, объяснил Лукас, поскольку экономическая теория утверждает, что подобные явления нельзя предсказать. Его коллега, также нобелевский лауреат Томас Серджант выражается еще жестче. Он считает, что критика, подобная озвученной Королевой Великобритании “свидетельствует либо о вопиющем невежестве, либо о намеренном пренебрежении предметом изучения современной макроэкономики”².

Проблема, затронутая выдающимися экономистами, весьма актуальна для экономической науки. Действительно, многие науки, а особенно экономическая теория, используют определенные упрощающие допущения, необходимые для построения той или иной модели. И здесь неправомерно говорить о фальсификации какой-либо идеи, если она в точности не реализуется в реальной хозяйственной практике, поскольку экономическая теория по своей природе обречена на методологический плюрализм³. В отличие от естественных наук, она не точная – в ней в принципе невозможен решающий эксперимент, с помощью которого можно выбрать одну теорию и отбросить другую. Сам объект исследования экономической и других общественных наук – человеческое поведение, особенно агрегированное⁴, – слишком сложен, чтобы создать точную исчерпывающую науку, описывающую его и тем более предсказывающую. С одной стороны, такой объект невозможно исследовать без радикальных упрощающих абстракций, относящихся к человеку и миру, в котором он действует. С другой – такие упрощения уведут исследователя достаточно далеко от реального объекта, превращая его в специфический предмет, например, поведение “экономического человека” в услови-

ях гармоничного мира. Отсюда неопределимый дуализм экономической науки, так называемая дилемма “строгости и реалистичности”⁵.

Тем не менее глобальные изменения социально-экономической системы и условий ее функционирования во многих странах диктуют необходимость трансформации экономической науки, придания ей более совершенного вида, адекватного хозяйственным канонам современного постиндустриального мира. Более того, новые тенденции и явления ставят под сомнение многие прописные истины экономической науки, что, в свою очередь, предполагает пересмотр базовых понятий экономики.

Таким образом, перед экономической наукой стоит широкий спектр принципиально значимых вопросов, императивов обновления.

Следует заметить, что и сама общая экономическая теория в настоящее время переживает кризис. По мнению многих экономистов, в частности В.М. Полтеровича, состояние теории может считаться кризисным, если поставленные ею задачи не могут быть решены принятыми в теории методами⁶. Еще одним свидетельством кризиса экономической теории является потеря ее целостности, экономического мировоззрения, дробление некогда единого теоретического руслу на многочисленные “ручейки”, базирующиеся на различных методологических основаниях. В этих многочисленных различных пространствах экономисты-теоретики говорят на разных языках, апеллируют к разным аспектам экономической жизни, дают разные рекомендации эконом-политикам и даже публикуются в разных журналах.

На наш взгляд, существует некоторая амбивалентность отношения к кризису в экономической теории. С одной стороны, кризис представляется весьма отрицательным феноменом, обуславливающим некую недееспособность экономического знания. Более того, профессионалы в области экономической науки, заботящиеся о престиже своей профессии и соблюдающие корпоративную этику, подчас сознательно замалчивают насущные проблемы, остерегаясь потери интереса у молодых талантов к экономической теории.

С другой стороны, кризис - это следствие и свидетельство развития науки, появления все новых и новых знаний, не укладывающихся в ранее господствующую парадигму (или парадигмы). И было бы неправомерным считать кризис общей экономической теории результатом чьих-либо ошибок. Да и вообще, единственно негативное отношение к феномену кризиса неправомерно.

Если посмотреть хотя бы на новейшую историю экономической теории, то мы легко уви-

дим феномены возникновения и преодоления таких кризисов, знаменующие, как правило, определенные смены теоретико-экономических доминант, типичных для тех или иных этапов развития и теории, и практики. Так, начало XX в. характеризовалось господством достаточно целостного мировоззрения, в основе которого лежал экономикс Маршалла.

Великая депрессия явилась экономическим потрясением, результатом которого не случайно стало возникновение и развитие макроэкономики, базирующейся на других теоретических основаниях. И это было начало кризиса. Причина данного поворота и одновременно вызова экономической теории заключалась, в частности, в том, что макроэкономика делает актуальным вопрос общественного выбора, а привнесение этой проблемы в экономико-теоретический контекст еще более усиливает кризис.

Последующая эволюция экономической теории ознаменовалась еще большей дифференциацией: к микро- и макроэкономике добавились, в частности, эволюционная экономика, экономика развития, политическая экономика и другие при сохранении еще и классической политической экономии.

Предельным выражением кризиса стал отказ общей экономической теории в праве на существование (что подтверждается ФГОС): на ее место все более приходит некий конгломерат общетеоретических положений, совмещенный с применением инструментария социологии и эконометрики.

Итак, остановимся на конкретных проявлениях кризиса экономической теории и тех проблемах, которые наиболее остро стоят перед ней.

Одной из наиболее актуальных проблем, на наш взгляд, в настоящее время является практически полный отказ от вербального моделирования.

Вербальное моделирование в текущий период почти вытеснено из теоретических исследований в области экономической теории⁷. Конечно, преимущества математической экономики достаточно очевидны. Вербальное моделирование строится на основе цепочки более или менее очевидных утверждений и не способно привести к столь же четким и однозначным выводам, что и математическая модель. Из вербальной модели, как правило, достаточно сложно понять основные допущения, при которых она справедлива. Характерная черта вербальных моделей - постоянные дискуссии о терминологии, порой становящиеся более значимыми, чем само обсуждение предмета. Математическая экономика, напротив, позволяет: во-первых, использовать точный и ясный язык научного общения, общий

для всех стран; во-вторых, четко сформулировать модель и ее допущения; в-третьих, избежать ошибок на основе четкой техники доказательств; в-четвертых применять одну и ту же модель для анализа различных явлений, лишь меняя обозначение символов.

В то же время математическая экономика имеет, как минимум, два недостатка. Во-первых, в математических работах наблюдается тенденция к чрезмерному упрощению социальной реальности. Во-вторых, математизация заставляет исследователей уделять слишком большое внимание математической стороне вопроса в ущерб содержательной. Так, в экономиксе математический аппарат становится главным методом получения знаний, главным методом исследования, единственным доказательством строгости исследования, что приводит к необходимости либо оговаривать предпосылки такого исследования, либо строить очень сложную, многомерную модель. При этом подавляющее большинство подобных моделей из экономикса оказываются неприменимыми в реальности, что обуславливает подчас бездумную инструментализацию экономической теории и, в конечном счете, не приводит к приращению знания. В связи с этим, несмотря на все преимущества математической экономики, вопрос можно поставить и иначе: достаточны ли они, чтобы априори полностью отклонять, как не представляющую интереса, любую вербальную работу? Является ли вкладом в науку исключительно формализация идеи или сама ее формулировка? В настоящее время немалое число экономистов, скорее, склоняются в пользу формализации, хотя такое представление, видимо, не бесспорно.

Второй, не менее важной проблемой, стоящей перед экономической наукой, является кризис категориального аппарата. Развитие социально-экономической системы общества, научно-технический прогресс, детерминирующие возникновение новых явлений и процессов, обуславливают необходимость проведения ревизии основных дефиниций. Так, например, вызывают дискуссии понятия основного и оборотного капитала. Данные категории являются традиционными для классической школы политэкономии, а также теории К. Маркса. Под основными средствами понимаются средства, участвующие в хозяйственной деятельности продолжительное время, изнашивающиеся постепенно, т.е. в понимании политэкономов, переносят по частям свою стоимость на вновь создаваемые объекты. Оборотный капитал - это средства, которые потребляются в течение одного производственного цикла. Однако в некоторых прикладных науках, та-

ких, например, как бухгалтерский учет, основными средствами является часть имущества организации, используемая в качестве средств труда или целей управления в течение срока свыше 12 месяцев. Данная дефиниция базируется на финансовых характеристиках основных средств, главная из которых заключается в сроке их окупаемости. С финансовой точки зрения, основные средства не изнашиваются, а амортизируются. Развитие основ шестого технологического уклада, предполагающего генерирование инноваций, приводит к усложнению производственных технологий и ускорению процесса морального устаревания основных и оборотных средств труда. В настоящее время длительность производственного цикла некоторых производств настолько увеличилась, что оборотный капитал, участвующий в создании соответствующего продукта, может иметь жизненный цикл, составляющий два-три года. Отдельные же виды производственного оборудования, такие как компьютерная техника, программное обеспечение, факсы и т.д., относящиеся к основному капиталу, устаревают настолько быстро, что их жизненный цикл ограничивается теми же двумя-тремя годами, а в ряде случаев и меньшим сроком. Таким образом, в настоящее время традиционные понятия основного и оборотного капитала имеют весьма условное различие.

Немало вопросов вызывают и категории потребления и накопления, средств производства и эксплуатации, производительности труда, видов денег и их функций и др. Особо хочется остановиться на последней дефиниции, а именно на деньгах и их функциях. Современное развитие финансовой системы привело к появлению таких специфических их форм, как электронные и виртуальные деньги. Наибольшее беспокойство вызывает стремительный интерес к криптовалютам (Bitcoin, Litecoin). По сути, речь идет о формировании основ децентрализованной денежной системы, не привязанной к конкретному регулятору. Насколько это будет опасно для стратегического развития мировой банковской и валютной систем, покажет будущее, пока же отметим достаточно высокую валотильность рынков криптовалют.

Есть проблемы и в измерительном инструментарии. Так, уже много лет статистики обвиняют преподавателей экономической теории в постоянном употреблении такого показателя, как ВВП, тогда как известно, что с 1993 г., согласно новой системе национальных счетов, ВВП был переименован в ВНД, хотя национальные статистические агентства некоторых стран продолжают пользоваться прежней терминологией.

Таким образом, неоднозначность трактовки традиционных фундаментальных категорий недвусмысленно показывает наличие некоего кризиса в теоретическом мировоззрении современной экономики.

Третья проблема, требующая адекватного решения, связана с постепенной потерей экономической теорией лидирующего положения среди наук о человеке и обществе.

Как никогда раньше, сейчас проявляется единство таких наук, как экономика, социология и психология. Место самой науки определяется количеством, качеством, масштабом выдаваемых ею результатов. С этой точки зрения, между указанными тремя дисциплинами сложилась весьма странная иерархия. Экономика, будучи наукой модельной и инструментальной, выдает открытия настолько специальные, что большинству людей они малопонятны и малоинтересны. В результате экономические открытия часто вообще не воспринимаются в качестве полноценных идей (что справедливо лишь отчасти). Многие по-настоящему великие открытия со временем просто стираются из-за колоссальных изменений реальности. Классическим примером тому может служить модель “затраты-выпуск” В. Леонтьева. Акт исчезновения моделей В. Леонтьева из рабочего языка современных экономистов очевиден. Такое произошло в связи с исчезновением хозяйственной основы применения такого рода моделей. В. Леонтьев доказал устойчивость во времени коэффициентов прямых и полных затрат своей модели, однако сейчас такая гипотеза потеряла смысл – любая инновация в какой-либо из отраслей может капитально изменить матрицу прямых и полных затрат леонтьевской модели. Социология же никогда не претендовала на универсальные истины, действующие вне контекста изучаемого социума. Любые важные типологические и функциональные социологические характеристики общества воспринимаются в качестве открытий (хотя, строго говоря, полноценными открытиями их считать нельзя). Кроме того, понятия выводов социологов намного проще, чем выводы экономистов, ибо у первых это чистый слепок общества, а у вторых – сложная цепочка причинно-следственных связей и силлогизмов. Наконец, достижения экономистов не могут, как правило, быть использованы каждым конкретным человеком (а порой национальной экономикой), в то время как социологические знания могут использоваться даже в бытовой жизни.

Психология, будучи еще менее формалистичной по сравнению с экономикой и социологией, затрагивает интересы каждого человека и

претендует на открытия в полном смысле слова. Любые новые знания в области осознания, мозга, психики и эмоций практически воспринимаются как нечто существенно новое. Открытия в общественной психологии более весомы, чем в социологии и экономике, хотя по богатству инструментария и сложности аналитических построений последняя намного опережает и психологию, и социологию. Результат: сейчас психология и социология открывают для исследователя больше перспектив для творческого и карьерного роста, нежели экономика. Прямым следствием такого положения является миграция экономистов в смежные общественные дисциплины: социологию, психологию, политологию и т.п. Дело в том, что среди всех наук о человеке экономика пока все же является бесспорным лидером, с точки зрения применения инструментальных средств исследования. Соответственно, экономисты, методически хорошо подготовленные, легко и быстро перетекают в братские науки. Здесь уместно вспомнить следующий исторический факт: в свое время в экономику активно переходили математики, физики и представители технических наук. В основе подобного перехода лежала более высокая инструментальная подготовка “технарей” по сравнению с экономистами. Переход с понижением “инструментальной нагрузки” всегда на порядок проще, чем с ее повышением. Таким образом, экономическая наука стоит теперь еще и перед кадровым вызовом, идущим со стороны рынков общественных наук. Выходом из этого кризиса может стать формирование новой парадигмы, которая восстановит целостность экономического мировоззрения, в снятом виде впитывая предшествующие достижения экономической теории. На наш взгляд, подходом, формирующим основы данной парадигмы, может стать политэкономический подход, внимание к которому резко возросло в последние десятилетия.

Политэкономический подход может стать принципиально важным слагаемым в решении ряда фундаментальных проблем экономической теории. Выделим только два из них.

Во-первых, политэкономический подход позволяет успешно решать задачи преодоления теоретической нестыковки между проблемами индивидуального и социального выбора, а эта проблема, в частности, указывает на важность органичной интеграции политического и экономического аспектов. Политическая экономия, в отличие, например, от экономикса, рассматривает, прежде всего, максимизацию общественного благосостояния в рамках практически любого общества, в любых конкретно-исторических условиях.

Во-вторых, в политэкономической теории содержатся важные предпосылки для формирования органичного представления не только о функционировании экономических систем и институтов, но и об их становлении, развитии и происхождении. Именно здесь возможно и актуальное критическое использование марксистской парадигмы в политической экономии.

Конечно, это будет другая политэкономия, которая не только критически унаследует, но и подвергнет отрицанию ряд прежних установок, особенно догм, и открывает путь к использованию принципиально новых возможностей, среди которых хотелось бы выделить перспективы “виртуальной экономики” – математического комплекса, моделирующего выведенные дедуктивным путем взаимосвязи, а также ряд других новых, перспективных направлений развития политической экономии, у которой, несомненно, есть будущее.

Но перед политической экономией будущего стоят и очень сложные задачи – задачи ответа на вызовы рождающейся новой мировой экономики и общества, задачи поиска оптимальных путей социально-экономического развития России.

¹ Lucas R. In Defence of the Dismal Science // The Economist. 2009. Aug. 6. URL: www.economist.com/node/14165405.

² Interview with Thomas Srgent. Sept. 2010. URL: www.minneapolisfed.org/publications_papers.

³ Методологический плюрализм, проявление различных методологических подходов анализа общества; принцип, утверждающий значимость различных методологических приемов. URL: http://sociology_en_ru.academic.ru/9027/methodological_pluralism

⁴ В основе агрегированного поведения людей лежит один из главных принципов организации системы, а именно эмерджентность, которая детерминирует синергетический эффект. Наглядное представление о структуре синергетического эффекта дает модель Робина Мэтьюза, опубликованная в работе “Организационная форма и эволюция стратегии”. Согласно ей, эффект синергии возникает за счет двух основных источников: субаддитивности и супераддитивности. Различают два вида синергии: синергия расширения и синергия связанности. Синергия расширения проявляется как результат обретения каждой из интегрирующихся экономических систем возможности использовать ресурсы, имеющиеся у другой экономической системы. Синергия связанности включает в себя только синергию, возникающую за счет супераддитивности, и обнаруживается в случае, если у экономических систем в результате объединения недостающих каждой из них в отдельности ресурсов появляется качественно новый ресурс (см.: *Краснов Г., Виноградов В., Краснов А.* Условие возникновения синергетического эффекта при интеграции экономических систем // Вестн. Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. □ 4. С.219-220; *Плотников Б.Д., Соболев А.С.* Проблемы синергии в открытых инновационных системах // Экономические науки. 2012. □ 86. С. 121-123).

⁵ Автономов В. Абстракция - мать порядка? // Вопросы экономики. 2013. □ 4. С. 4-6.

⁶ Полтерович В.М. Кризис экономической теории // Вопросы экономики. 2013. □ 2. С. 56-58.

⁷ Типичная статья в журнале высокого уровня должна содержать, по крайней мере, одно из двух: либо теоретическое модельное обоснование ключевых тезисов, либо их эконометрическое тестирование на эмпирическом материале. Тексты, написанные в стиле Рикардо или Кейнса, в наиболее престижных журналах крайне редки.

Поступила в редакцию 08.01.2014 г.